

Цена № 5 коп.

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

13 ИЮЛЯ
1929 г.
суббота
№ 158 (1670)

ВЕЩЕРНЯЯ ЛОСЬВА

ЧЕРЕЗ ЧЕХОВЩИНУ -- К ЧЕХОВУ

I.

Доктор Королев, вызванный на подмосковную фабрику к больной, остался, по неосторожной просьбе хозяев, переночевать. На рассвете он вышел посмотреть на фабричные корпуса и барак. Осматривая фабрику, он думал о том, о чем думал всегда, когда сталкивался с заводской жизнью: «Пусть спектакль для рабочих, волшебные фонари и фабричные доктора, разные улучшения, во все же рабочие, которых он встретил сегодня по дороге со станицы, ничем не отличаются по виду от тех рабочих, которых он видел давно в детстве, когда еще не было фабричных спектаклей и улучшений. Он, как медик, правильно судивший о хронических страданиях, корневая причина которых была лептопатия и неизлечима, — и на фабрике смотрел как на недоразумение, причина которого была тоже немая и неустрашимая, и все улучшения в жизни фабричных он не считал лишними, но приравнивал их к лечению неизлечимой болезни».

Писатель Чехов, свои заветные мысли заставивший повторить доктора Королева в рассказе «Случай из практики», рассуждает именно как медик, правильно судивший о хронических страданиях. Чехов был врач по образованию. «Медицинская», точнее сказать, — биологическая точка зрения, была исходной во всех его суждениях, чувствованиях и впечатлениях.

Чехов, оформивший сознание целого поколения, заразив его ядовитой неясностью к презрению обывательскому бытию, в котором вождества к жареному гусям с капустой вытравил последние остатки «общей идеи» (повесть «Скупная история»); Чехов, как бы разложивший на атомы эту гниющую духовно глетворную жизнь своих «шмурых» людей, — притялочно всматривался в то, что можно было бы назвать болезнью целой эпохи.

Чехов пришел в литературу как разномыслиец, последний классик-разномыслиец. Но это его различие было несколько

по необычной окраски: Чехов ничего не воспринял от радикализма шестидесятых годов и вовсе не был заражен тем народническим социализмом, под знаком которого жили семидесятники.

Косная быт, в котором, «смеряничать» его умные люди, — есть причина для него отвратительное, тупое, застывшее. Эта та грубая, неясная, грешная жизнь, в которой томится его Сони, Чайки, Три сестры, Дамы с собачками, дядя Ваня, приват-доценты Коврины, филосоfoствующие Тузенбахи. Это крошечные, но чистые души, которые даны как резкие контрасты Ардалам, Анисьям, Попрыгунам — тем хищникам и хищницам, которые, стремясь жалко и страстно уворовать у жизни кусочек чувственной, животной радости, своей силой, властью, грубостью гнетут смиренных, покорных и металельных.

В своих изображениях он часто гиперболизировал. Можно ли с уверенностью говорить, что это вполне «бытовые» портреты, эти его Великие, Ионычи, Чума-Гималайские, жизнь свою опоганившие и замкнувшие ее в футляры, — закладные, в имения с собственным, — пусть кислям! — но непременно собственным крыжовником?

«Человек в футляре» — учитель Бельков держит в страхе «целый город». А в городе, в котором живет герой повести «Моя жизнь» — «свет ни одного чистого человека». Город этот «существует уже сотни лет, и за все время он не дал родить ни одного полезного человека — ни одного... Город лачинчиков, трактирщиков, канцеляристов, ханжель, немужный, беспоселный город, о котором не пожалела бы ни одна душа, если бы он вдруг провалился сквозь землю».

Конечно, это гипербола, преувеличение, невозможность. И именно потому, что это гиперболическое обобщение реальных, ступенных и отголосочных до символа идет, — именно потому Чехов даже и не сделал попытки раскрыть тот сложный процесс, который переживает живой человек, превращаясь в некто скотоподобное, как это произошло с Юдычем и Чума-Гималайским.

Примечательно, что рисуя заболевания своих героев, Чехов заставляет их видеть в окружающих то, что видел он сам, разложивший жизнь на атомы. Писатель Чехов смотрит на жизнь сквозь очки доктора Чехова.

2.

Безлая жизнь. Безларная жизнь. Задыхалась в городах, где только то и делало, что спял, ел, женится и находит детей, и где дети под неумолимым воздействием кошмарности вырастают такими же, как их отцы и матери; знаящая под тяжестью непосильной ноши; жаждущая на отсутствие «общей идеи»; ослепшая свое заболевание, — ни Прозоровы, ни Ивановы, ни старые профессора («Скупная история») не могут поставить правильного диагноза и своей болезни и болезни целого поколения.

Но и Чехов не может поставить этого диагноза. Чехов знает только одно, что он виноват в болезни и что не ему лечит себя. Общих же причин заболеваний своего поколения он не понимает.

Медик — он склонен объяснить трагедии своих Ивановых, Лавских, Прозоровых — биологически. Огромное письмо написано Чеховым в разъяснение душевного краха Иванова. Кажется, не забыта ни одна подробность, раскрывающая катастрофу этого «лишнего человека». Но, конечно, самое существенное в чеховском комментарии — это сылка на неравенство Иванова. Вель Иванов — утомлен. Он также скоро возбуждается, как скоро переходит в состояние душевной прострации.

Также биологически раскрыта болезнь и «неизвестного человека». Незвестный человек — бывший террорист, революционер. Теперь он — отступник. Он устал. Он переутомлен. Он надомлен. Но и антипод «неизвестного человека» — петербургский брокер Орлов, чиновник с холодной кровью, — и он тоже объясняет свое отращение к жизни «большими, общими причинами», имеющими с точки зрения биологической своей социальный *raison d'être*.

«Мы неравности, кислям и отступничью, по, быть может, это нужно и полезно для тех поколений, которые будут жить после нас», — утешает себя этот чеховский человек.

Старый профессор Николай Степанов, причислявший себя к героическому поколению шестидесятников, оказывается тем же безнадежно больным, как и земский деятель Иванов, и «неизвестный человек», и петербургский чиновник Орлов. Но в изображении Николая Степановича есть ошибка в хронологии. Кто поверит этому типичнейшему представителю чеховского поколения, — т.е. человеку восьмидесятых-девяностых годов, что он принадлежал к кругу Пироговых, Некрасова, Каверина, друзей которых гордится наш славившийся, брызгающий и болельщик Николай Степанович? Чехов себя персонафицирует в образе героя повести.

Душевной крах всех этих персонажей объяснен биологически, потому что сам Чехов, изучая биологию, прошел много социологии. Он не знает ее концепций, а, ища объяснения банкротства своего поколения, не думает об историко-экономических законах. Вот потому-то доктор Королев и не знает «коренную причину», которая для него «непонятна и неизлечима». Но это непонятно для него, — и для Чехова! — и это потому, что Чехов говорит об этических нормах в тех случаях, когда, в сущности, следовало бы говорить о причинах социально-политических.

3.

В повести «Три года» молодой историк Ярцев утверждает, что «вследствие разности климатов, энергий, вкусов, возрастов, равенство среди людей физически невозможно. Но культурный человек может сделать это неравенство безразличным. Жизнь идет все вперед и вперед. Культура делает громадные успехи на наших глазах и, очевидно, наступит время, когда, например, нынешнее положение фабричных рабочих будет представляться таким же абсурдным, как нам теперь крепостное право, когда меняли девок на собак».

Этот образчик рассуждений в духе эволюционной философии Ярцев вполне раскрывает сылкой на какого-то ученого, который добился того, «что у него кошпа, мышь, котык и воробей ели из одной тарелки, и воспитание, надо надеяться, будет делать то же самое с людьми».

— Но это будет несомненно, очень не-

скоро! — возражает Ярцеву Костя Кочевой. «Это будет тогда, когда Ротшильд покажется абсурдом его подвалы с золотом, а до тех пор рабочий пусть гнет спину и пухнет в гобелу». И Костя Кочевой думает, что если «кошка ест с мышью из одной тарелки», то это она делает потому, что «ее заставили силой».

В этом споре Чехов, конечно, весь на стороне Ярцева. Он на «культурничестве» точки зрения и никакой иной он не знает. И однако, это несколько не мешает ему сказать, что та передовая интеллигенция, которая как будто бы призвана эту культуру насаждать, — эта передовая интеллигенция «лицемерна, фальшива, истерична, невоспитана, ленива». Из ее недра «выходят ее же ирритивности». Чехов «не верит ей даже тогда, когда она страдает и жалуется». Чехов «верит в отдельных людей, распробанных по всей России там и сям — интеллигенты они или мужики». «В них сила, — говорит он, — хотя их мало». (Из письма Чехова к П. Н. Орлову, 22 февраля 1899 г.).

Этические нормы — вот самое важное, самое ценное и самое нужное Чехову. Он ненавидит ложь, насилие, лицемерие, фальшь, тупоумие, проишло. Но эта ненависть — порождает чисто этическое. Выбравшая в себе «свободного художника», он шел путем одиночки. Процесс освобождения от «рабья крови» переживался им мучительно и трудно.

Среди его писем есть одно, раскрывающее с предельной выразительностью этот путь:

«Что писатели — дворяне брали у природы даром, то разночинцы покупают ценою молодости. Напишите-ка рассказ о том, как молодой человек, сын крепостного, бывший лачинчик, певчий, гимназист и студент, воспитанный на чинопочитании, целовании половских рук, поклонении чужим мыслям, благоларивший за каждый кусок хлеба, много раз семенящий, ходивший по урогам без галоч, дравивший, мучивший животных, любивший обедать у богатых родственников, лицемеривший и богу и людям без всякой надобности, только из сознания своего ничтожства, — напишите, как этот молодой человек выдвигает из себя по каплям раба, и

как он, проснувшись в одно прекрасное утро, чувствует, что в его жилах течет уже не рабская кровь, а настоящая, чеховская».

Для того, чтобы почувствовать, что в жилах течет «настоящая чеховская кровь», Чехову нужно было пройти через очень многое. Пройти, например, через дружбу и влияние того самого Суворина, к которому адресовано это письмо. Нужно было возмужать настолько, чтобы, проснувшись в одно прекрасное утро, почувствовать, что суворинское «Новое Время» гнусно, и что со «старцем», как его человечески ни жал, нужно порвать. — Нужно порвать потому, что «русское общество задыхается от несправедливости, оно являет как трава в болоте». А этот разрыв с Суворинным происходит в один из решающих моментов общественного роста Чехова — в дни прощания Золи — Дрейфуса. Чехов весь на стороне Золи, но голосом Золи говорит человеческая правда и справедливость.

Утверждал, что не дело писателей заниматься политикой — спасатели и художники должны заниматься политикой лишь постольку, поскольку нужно обороняться от нее», — Чехов, однако, нашел в себе достаточно гражданского мужества, чтобы в виде протеста сложить с себя звание почетного академика, узнав об изгнании Горького из академии. Но ведь и в этом протесте была «политика!»

Чехов именно и шел к ней — к ясно осознанному восприятию эпохи, в ее социально-политическом разрезе. «Биологическая» точка зрения подвергалась коренному пересмотру. Пересмотр не был доведен до конца.

Но до конца была выполнена Чеховым задача заражения невинность к тому, что мы сейчас называем чеховщиной. Историк-социолог, изучая весь комплекс причин, ведущих к неизбежной гибели и распаду «Чеховскую Россию», не пройдет мимо Чехова: в его произведении найдено — точнеенейшее свидетельство, оставленное крупнейшим художником, удостоверяющее живность и драбность, пустоту и отсутствие «общей идеи» — признаков того явления, которое мы называем сейчас «чеховщиной».

ЮРИЙ СОБОЛЕВ.